

Константин Михайлов,
журналист

Действуйте! Время пришло

Что делать?

Этот вопрос, наверное, задавали в конце 1970 — начале 1980-х годов себе и друг другу все, кого хоть как-то волновали судьбы культурно-исторического наследия нашей страны. Потому что всем, кого это сколько-нибудь волновало, не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что состояние наших памятников истории и культуры приближалось к критическому. Газеты, конечно, сообщали об отдельных недостатках на фоне несомненных успехов, в 1977 году вышел Закон СССР об охране и использовании памятников истории и культуры; постановлений, решений и инструкций о «дальнейшем улучшении» этой охраны становилось все больше и больше, а самих памятников — увы — все меньше и меньше. Например, за несколько летних дней 1986 года страна лишилась трех великолепных образцов деревянного зодчества на Русском Севере. То, к чему пришла наша охрана памятников к 1980-м годам, наглядно показывают некоторые цифры, оглашенные наконец в мае 1988 года на Всесоюзном совещании по охране памятников в Москве:

- с 1976 по 1986 год зарегистрировано около 400 нарушений законодательства по охране памятников, но уголовные дела по ним суды рассматривали в таком количестве: 1977-й год — 3, 1978-й — 3, 1979-й — 5, а в 1980—1985 годах — ни одного;
- каждый год в РСФСР разрушается до 250 памятников истории и архитектуры;
- из 201 тома свода памятников истории и культуры СССР вышло в свет 4;
- менее 25% выявленных памятников взяты под охрану;
- на одного нашего реставратора-проектировщика приходится 110 памятников истории и культуры;
- менее 1% наших музеев имеют современное оборудование для хранения и экспонирования своих коллекций.

Этот список можно продолжить, но и того, что сказано, достаточно, чтобы представить состояние культурного наследия в нашей стране. И это цифры 1988 года, когда гласность и демократизация общественной жизни заметно продвинули вперед дело охраны наших памятников. В начале же 1980-х годов разлад между словом и делом в этой области был просто вопиющим.

Что же было делать? Призывать, стыдить, заклинать? Писать «наверх», писать в газеты, пропагандировать, отстаивать идеи гуманного и бережного отношения к культурному наследию? Все это было испробовано, но непо-

зволительно редко эти идеи становились материальной силой. Выход был один — делать дело самим. Не дожидаясь ободрений, одобрений и помощи «сверху» ли, со стороны ли. Разлад между словом и делом только делом и мог быть ликвидирован.

Конечно, разлад этот был замечен задолго до 1980-х годов. Еще в начале 1960-х возникли московский и ленинградский клубы добровольных помощников реставраторов. В 1971 году Петр Дмитриевич Барановский привел на Крутицкое подворье в Москве полтора десятка человек, вооруженных нехитрым строительным инструментом. Этот реставрационный субботник положил начало мощному патриотическому движению любителей старины, и у истоков его стоял человек, чье имя справедливо окружено ореолом легендарного подвижничества.

Ответ на вопрос «Что делать?», казалось, был найден. Движение росло, крепло и охватывало все новые и новые города и области. Вот Владимир, где историк И. Б. Петров затеял реставрацию старой каменной церкви силами подростков, воодушевленных желанием создать в ней музей и выставочный зал, да еще и открыть общественную межобластную школу реставрационного дела. Вот пермский городок Чусовой, где директор местной спортшколы Л. Д. Постников увлек учеников и тренеров идеей создания историко-этнографического музея; результат — реконструированные старая улица и две часовни, в одной из которых открыт музей Ермака. Вот Елец, близ которого клуб «Веч» восстанавливает усадьбу И. А. Бунина в Озерках. Кто не слышал о тобольской «Доброй воле», чья смелость воистину берет города? Клуб выдвинул свою программу развития исторического центра древней сибирской столицы. А в Москве и Московской области только в 1987 году прошли 552 субботника на 87 памятниках, и работали на них 29 тысяч человек.

Единомышленники, как правило, объединяются. Идея соединения усилий витала в воздухе. В 1985 году первые выездные реставрационные отряды МГО ВООПИИК отправились на помощь памятникам российской глубинки (в 1987 году эти отряды работали в восьми районах пяти областей страны). Наконец, клубы добровольных реставраторов создали Российский совет шефских объединений при ЦС ВООПИИК. В апреле 1988 года их второе совещание собрало представителей 25 клубов из 22 городов и областей. Движение стало стабильным, постепенно увеличивало размах работы и свою географию. Оно обрело все новые адреса: Ярославль, Алушта, Ленинград.

В Ленинграде и произошел взрыв...

Петербургская площадь

Осенним вечером 1986 года на старой петербургской площади, возле дома, где когда-то жил поэт и лицейский товарищ Пушкина Антон Дельвиг, происходило нечто непривычное. Толпа, заполнившая пространство перед домом, внимала голосам молодых ораторов. Было 19 октября — лицейская годовщина. Но не чинный юбилейный праздник разыгрывался на площади, а самый настоящий митинг. Если угодно, митинг протеста. Потому что половины дома Дельвига уже не существовало, и

ленинградское небо, показавшееся в оконных проемах фасада, служило хорошим фоном для торжественных праздничных свечей, которые ситуация превращала в поминальные.

Люди пришли на площадь высказать свою боль, протестуя против сноса старого дома. Люди уходили с площади единомышленниками. 19 октября 1986 года стало днем рождения ленинградской группы «Спасение», к которой впоследствии присоединились «Англетер», «Эра» и другие «охранщички-неформалы» города на Неве.

В послужном списке «Спасения» есть реставрационные субботники — и «свои», и совместные с любительским объединением ленинградских добровольцев-реставраторов «Мир». Но одна из важнейших целей группы (цитирую ее участника Николая Журавского) — «внедрение в повседневную жизнь советского общества таких форм общественной деятельности, как демонстрации, митинги, выставки, массовые экскурсии, публичные обсуждения».

Охрана памятников! Кропотливое, мирное, порою незаметное занятие энтузиастов! И — митинги и демонстрации? Непривычно. Зачем?

Вот зачем — «для привлечения общественного внимания ко всем проблемам» охраны, реставрации и использования памятников старины. Конечная же цель «Спасения» — «перестройка системы капремонта, реставрации, охраны памятников в Ленинграде и в целом по стране».

И в отчете о работе «Спасения» значитесь очень много такого, что и не снилось клубам добровольных реставраторов: обследование памятников и целых кварталов, технические экспертизы, «административное воздействие на ответственные организации». А еще экскурсия-митинг и выставка «Петербург Достоевского», и дни рождения архитектора Львова у церкви, что он построил, и поэта Гумилева у дома, где он жил. И конечно, «Хармство» — праздник поэта-обэриута Даниила Хармса — прямо на улице. Долго не забудут в Ленинграде историю борьбы за «Англетер» — пикетов на Исаакиевской площади, живой цепи, окружившей обреченную гостиницу и прорванной «блестителями порядка», информационного поста у руин «Англетера», работавшего два с половиной месяца, горячих споров и дискуссий, в результате которых возник объединивший ленинградских «охранщичков-неформалов» Совет по экологии культуры.

Организации, подобно «Спасению», избравшие жизненным принципом общественную борьбу за памятники, стали возникать одна за другой. «Отчество» в Рызани, «Слобода» в Москве... Их программы отличались взвешенностью формулировок, но их дела были все же протестом отчаяния, потому что «последний и решительный» метод отстаивания памятников был один: взяться за руки и встать перед бульдозером. Иногда удавалось что-то спасти, чаще — не удавалось. «Пикетчиков» начали обвинять в «экстремизме», а затем они автоматически стали нарушителями сначала Временных правил, а потом и Указа о демонстрациях и митингах, ибо какой же местный орган власти даст разрешение на публичный протест против собственного решения?

Часто бывает так, что люди, идущие к од-

ной цели, невольно становятся конкурентами. У «добровольцев-реставраторов» и «пикетчиков» этого, к счастью, не произошло. Большинство этих молодых и немолодых людей едины в двух ипостасях — митинги у гибнущих памятников легко превращаются в субботники, как, впрочем, и наоборот. В ноябре 1987 года представители двух направлений движения встретились в Ленинграде (около 50 объединений из 30 городов; на второй встрече в Москве в декабре 1988-го эти цифры были соответственно 90 и 80) и совместно приняли вполне грамотные и толковые резолюции по вопросам охраны наследия, реставрации, современного строительства и просвещения. Об уровне понимания проблем свидетельствует «Основной документ» встречи, в котором «охранщички-неформалы» совершенно справедливо заявили, что решение конкретных задач охраны памятников невозможно без таких глобальных и непростых перемен, как «демократизация общественной жизни, совершенствование юридических норм, перестройка экономической системы на основе полного хозяйственного расчета, перестройка общественного сознания, существенное преобразование системы образования и воспитания». Все делегаты ленинградской встречи говорили на одном языке и очень хорошо друг друга понимали.

Слово и дело

Самодейтельное движение в защиту памятников обрело силу и голос благодаря перестройке. Что-что, а один из ее лозунгов — терпимость к иному мнению — «неформалами-охранщичками» усвоен крепко. Они всегда готовы к диалогу. И все же — я сам не раз был тому свидетелем — когда встречаются «пикетчик» и «доброволец», нет-нет да проскользнет в их словах не презрительное, конечно, а снисходительное отношение к убеждениям собеседника.

— Вот, мол, у вас там митинги да дискуссии, а мы-то реально, вот этими руками — работаем!

— Вот вы один дом от мусора очистили, а три других в это время снесли! Общественное мнение надо взбудоражить, изменить — тогда и мусор выгребать не придется.

Чью сторону принять? Нельзя принять — ничью. Правы и те и другие. И неправы, конечно, тоже. Потому что слову не заменить реального дела. И потому, что слово само по себе есть очень важное и ответственное дело.

Но, как это ни печально, согласимся, что и «дело» «добровольцев», и «слово» «пикетчиков» пропадают втуне гораздо чаще, чем увенчиваются победным результатом. Вот «добровольцы» работают на памятнике. Горячий энтузиазм — в избытке. Но и ремесло плотника или каменщика не мешало бы знать, не говоря уже, например, о специальностях проектировщика или геолога. А владеют ремеслом единицы. И большинство «реставраторов-добровольцев» способны только убирать мусор и выполнять самую неквалифицированную работу.

А вот посмотрите документы группы «Спасение». Архитектор Павел Никонов убедительно, с цифрами и фактами, доказывает, что старые ленинградские дома разрушаются не без современного капремонта, а вследствие

его. Вот он же и Алексей Ковалев предлагают интересную идею: пусть общественность выбирает руководителей государственных органов охраны памятников. Е. Тимофеева размышляет о том, как и где можно, а где и как нельзя строить метро в центре Ленинграда...

Все это смело, конструктивно, умно. Но как воплотить предложения в жизнь? И кто, интересно, будет их воплощать? Ленгорисполком, с которым «Спасение» то и дело конфликтует? Сами «неформалы»? Да они-то кто такие в Ленинграде, не говоря уже о «в целом по стране»? Группка единомышленников, как говорят в молодежной среде, «фанатов» охраны памятников? Политической власти, естественно, никакой. Экономической — тем более. Моральное влияние? Оно-то, конечно, есть, но — вот незадача! — подвержены ему в первую очередь те, кто опять-таки властью не обладает. А голым энтузиазмом, прекраснодушными призывами и возгласами «доколе!» не скрепить, увы, и двух кирпичей.

Что же делать, если результаты не оправдывают усилий? Что делать? — вопрос, оказался, не снят.

Поищем на этот раз ответ не в нынешней и бывшей наших столицах, а на неблизких островах у северных границ страны.

От кого же больше толку?

Давно, больше 20 лет назад, первые добровольцы-реставраторы добрались до Соловков. С тех пор каждое лето небольшой архипелаг в Белом море встречает гостей-помощников со всех концов страны. Местный реставрационный участок Архангельской СНРПМ или музей принимают их на временную работу, и реставрация огромного монастыря медленно движется. Не знаю, насколько прав мастер участка С. А. Батуро, считающий, что «реставрация здесь никогда не кончится», потому что пока латают одно здание, начинают разваливаться другие. Но то, что за двадцать с лишним лет восстановительных работ ни одно здание не сдано, как говорят строители, «под ключ» — это факт. И — каждый год новая армия добровольных помощников исправно прибывает на Соловки.

Директор Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника Л. Е. Востряков перечисляет отряды, работавшие на островах в последнее время. «Биармия» из Архангельского пединститута — экскурсоводы. Отряд городского штаба школьников при Архангельском дворце пионеров. Студенты биофака и факультета почвоведения МГУ — работали в ботаническом саду на соловецком хуторе Горка. Группа юннатов Ленинградского дворца пионеров — они исследовали морскую флору и фауну вокруг островов.

Но главными действующими лицами среди добровольцев были, конечно, отряды реставраторов.

Реставраторы-студенты из МГУ и Архангельского лесотехнического института работают вместе с недавних пор. Москвичи помогают Соловкам с 1960-х, жители областного центра спустились на землю архипелага в 1987-м. Но и мастер реставрационного участка С. А. Батуро, и его прораб В. Е. Чертовский говорят о тех и о других с одинаковым уважением: студенты — работники квалифицированные, им можно доверить сложные реставрационные

задачи. И объекты у студентов важные — Спасо-Преображенский собор, Благовещенская церковь, Александровская часовня, канал «Вишняк», электростанция. И работа ответственная: обмазка фасадов, устройство кровель, укрепление стен. Соответственно и выработка (освоили студенты около 140 тысяч рублей), и заработки — до пятисот на человека выходило. Под стать москвичам и архангелогородцам работал и неожиданно прибывший на острова харьковский стройотряд «Соловки», занятый на Новобратском корпусе и Петропавловской часовне. А в целом не профессиональные, но квалифицированные реставраторы выполнили за лето около трети плана Соловецкого реставрационного участка.

Вот такая картина. Похожая — на несколько сот километров к юго-западу от Соловков, в Карелии. И здесь всемирно известные памятники русской истории и культуры, и здесь многолетняя реставрация с неоптимистическим, мягко говоря, результатом: Преображенский храм в Кижях, по мнению многих специалистов, готов вот-вот рухнуть, а Валаамский монастырь только-только поднимается из руин.

В. Г. Копнин, заместитель директора Карельской СНРПМ, вспоминает добровольцев-реставраторов лета 1988 года так.

Отряды ВООПИиК — из Москвы и Ленинграда — приезжали на Валаам. Впрочем, отряды — это громко сказано. Достигали люди острова и группами, и семьями, и в одиночку. По мнению Копнина, ехали кто поработать, кто отдохнуть. Поэтому и разнится так «летний трудовой стаж» у 60 (приблизительно) вооппиковцев, побывавших летом 1988-го на Валааме: у кого два месяца, у кого два дня. А работа их — все та же уборка строительного и прочего мусора.

Резкий контраст — отряд «Кижь-88» (химфак, биофак МГУ). Студенты приезжают на знаменитый онежский остров почти двадцать лет подряд. В 1988-м 21 человек работал полтора месяца. Дом Сергеевой, баня в деревне Васильево, Дмитриевская часовня в Пингесельге... Результат: освоено 57,3 тысячи рублей, заработали все вместе 14 с лишним тысяч.

Только начинают свой путь «Скифы» из Петрозаводского пединститута — на Валааме они второй год. Но для начала неплохо — 16 человек освоили в 1988 году 15,2 тысячи рублей, общий заработок — 3,7 тысячи.

Дебютировал в 1988-м «Реставратор» из Петрозаводского госуниверситета. Но вклад в сохранение памятников деревянного зодчества Петрозаводск внес немалый — освоил 25 тысяч рублей.

Кто в выигрыше? Те, кто владеет или, по крайней мере, серьезно учится необходимым в реставрации ремеслам. Те, кто ставит отношения с нашими «формальными» реставрационными организациями на деловую основу.

«О чем это вы? Об освоенных деньгах? О заработках? Да вы что?! Охрана памятников — это состояние души...» — возможно, услышу я в ответ. Правильно. Только мне кажется, что в первую очередь нам надо думать все же о памятниках и нашем реальном вкладе в их спасение. Спасение же души, как говорится, приложится. А заработки... В среде «охранчиков-неформалов» крепнет движение безвозмездного труда — заработанные деньги

перечисляются на дальнейшую реставрацию. Если перечислять таким образом тысячи — это помощь реальная. Вот только «вопинок-вских» заработков, к сожалению, едва хватает, чтобы оплатить дорогу в оба конца...

Ни в коей мере нет у меня желания противопоставить студентов-реставраторов добровольцам из ВООПИиК или в чем-то последних упрекнуть. Они — добровольцы, и этим все сказано, и достоин уважения любой из них, кто поработал на памятнике не то что день, а хотя бы час. Но самодеятельное движение в защиту памятников старины не может остановиться на этой полезной, но все же уже пройденной ступени. «Охранщикам-неформалам» нужна своя экономика, иначе движение никогда и не приблизится к тем замечательным целям, что ставит сейчас перед собой.

Еще раз о деле

В Ленинграде, на упомянутой выше I Всесоюзной встрече эколого-культурных объединений, в кресле рядом со мной сидел молодой человек. Атмосфера встречи была, как в известной песне Олега Митяева — как здорово, что все мы здесь сегодня собрались! — а он время от времени морщился. Наконец, пояснил:

— Если б эта встреча была у нас во Львове, мы бы такое всем показали! У нас такие дела...

Мой соседом был Орест Шейка — работник Львовского горкома ЛКСМУ и тогдашний председатель «Товарищества «Львов». Созданное в 1987 году, поддерживаемое четырьмя своими учредителями (областное отделение Советского фонда культуры, горком комсомола, областное отделение УООПИиК и объединение молодежных клубов), товарищество действительно творило замечательные дела.

— Если мы хотим решать вопросы охраны наследия, — заметил Орест, — нужно вести экономическую и финансовую деятельность.

И товарищество заимело свой счет. И принимало пожертвования от советских и иностранных организаций и граждан. Арендовало залы, проводило концерты, аукционы, лотереи, выставки-распродажи, деньги от которых шли на реставрацию львовских памятников. Само заключало договоры на ремонтно-реставрационные работы, само выпускало и распространяло сувениры. В сфере охраны памятников оно стало реальным действующим лицом. И, кстати, подключило к этому делу обычно не обремененный подобными заботами комсомол.

О том, как нужны «неформально-охранному» движению люди с хорошей деловой хваткой, наглядно свидетельствует история ставших знаменитыми палат Щербакова на Бакунинской улице в Москве.

Когда палаты XVIII века встали на пути печально известного «третьего кольца» и решено было их ломать, на защиту дома Щербакова бросились молодые москвичи. Сначала были пикеты и прочие «методы общественной борьбы», вплоть до курьезных бревенчатых надолбов против строительной техники и подсыпания сахарку в бензобак экскаватора. Снос отложился — началась работа. Студенты МГУ, МВТУ, МАрХИ и других московских вузов, жители Бауманского района пропадали на Бакунинской — днями и ночами — не-

сколько месяцев. Помогли сделать обмеры, освободили декор XVIII века от грубой штукатурки, покрасили фасады, выломали поздние перегородки.

Дом отстояли. Дом погибал. По фасадам ползли зловещие трещины, одна из стен угрожающе наклонилась, собираясь рухнуть. Кто будет заказывать проект реставрации, кто оплатит работы, кто будет хозяином? Студенты-защитники? Не тут-то было. Нет у них ни юридического лица, ни счета в банке, ни денег, ни реставрационных специальностей. А те, кто по должности обязан был спасти дом — Управление госконтроля охраны и использования памятников при тогдашнем Глав АПУ Москвы, Главмосинжстрой и другие «заинтересованные организации», — перебрались бумагами и отфутболивали друг другу почетное право начать работы.

Кончился 1986 год, когда дом хотели ломать, прошел 1987-й, потом 1988-й — и все это продолжалось бы до «естественной смерти» палат Щербакова, если бы в Москве не нашлись люди, чья любовь к памятникам отечественной старины была подкреплена солидной экономической базой. Это был реставрационный кооператив Советского фонда культуры «Родина». Его председатель М. С. Курков делился планами: коллектив собственными силами полностью отреставрирует дом, там будет небольшое кафе, выставочный зал...

Все, кто принял участие в судьбе дома на Бакунинской, конечно, могут торжествовать, но... Начинать-то «охранщики-неформалы». Закончить не смогли. Уровень не тот. А случись такая история во Львове, вопрос, вероятно, решился бы быстрее и проще.

Оставим разговоры

Да чем же москвичи хуже львовяны? Кто мешал им, объявившим, кстати, о существовании столичного Совета по экологии культуры, попробовать создать «Товарищество «Москва», обратившись в те же горком комсомола, Советский фонд культуры и МГО ВООПИиК? Но они этого не делали. Непривычно.

Но именно здесь, через создание хозрасчетных молодежных объединений, клубов, кооперативов по реставрации, лежит сегодня наиболее реальный путь спасения нашего культурного наследия руками молодых. Призывы на митингах, письма протеста, реставрационные субботники, конечно, нужны. И пусть те, у кого лежит к таким занятиям душа, делают свое дело. Но памятники нашей культуры живут не в изменчивом мире призывов и нравственных соображений. Они построены из осязаемых бревен и кирпичей, их реставрация стоит самых настоящих советских и инвалютных рублей. Памятники существуют в мире экономики — реальном и жестком.

И для того чтобы им помочь, надо знать этот мир, жить и действовать в нем. Это непривычно для многих «охранщиков». Это трудно. Здесь не обойтись беседами о прекрасном и добром. Здесь придется иметь дело с сугубо прозаическими способами организации производства или теорией бухгалтерского учета. Но, мне кажется, это — единственный выход для самодеятельного «охранного движения», если оно хочет идти вперед и видеть реальные результаты своих трудов.

Время пришло.